

- 1 -

Глеб

— Девчонки, привет! — Макс сияет, словно начищенный унитаз.

Его внимание привлекли две девицы, гарцующие по набережной без шапок, в тонких колготках и на высоченных каблуках, — и это в такую-то холодину.

«Курицы безголовые», — отворачиваюсь, едва взглянув на них. На ходу заледеневшими пальцами сдираю с головы мягкий защитный шлем.

— Как дела, красавицы? — продолжает Макс, фривольно поигрывая бровями.

«Пасть у этого паршивца, похоже, никогда не закрывается», — думаю я, раздраженно подталкивая Макса вперед.

Мы идем по холодным, влажным камням, и соленая вода мелкими каплями стекает с наших лиц на шеи.

— Привет! — одна из незнакомок машет ему рукой.

Другая тут же толкает подругу в бок, чтобы прекратила.

— Не надо, Макс, — устало выдыхаю я, придерживая товарища за локоть.

Сильное течение сегодня не раз испытывало нашу выдержку и ни на секунду не давало рассла-

биться. Но я ждал позднюю осень: хотел оседлать ту самую дерзкую волну, которая приходит после небольшого шторма в сопровождении порывистого южного ветра, — поэтому чувствую сейчас настоящее удовлетворение.

— Спорим, я меньше чем за минуту уболтаю обеих на веселый вечер в нашей компании? — Макс суетливо перекидывает массивную доску для серфинга из одной руки в другую и крепче прижимает к телу.

— Задрал, — качая головой, ступаю на деревянный пирс. — Отстань от них, а?

Меня все чаще стали раздражать нездоровая озабоченность друга и его же откровенная неспособность сосредоточиться в нужный момент на важном деле.

Макс со вздохом провожает взглядом несостоявшихся жертв своего обаяния:

— Ради тебя стараюсь!

Наклоняюсь и с остервенением сдираю гидротопки с ног. «Пусть лучше ступни вмерзнут в доски, чем заледенеют внутри этого орудия изощренных пыток».

— Думаешь, я не способен самостоятельно найти девушку на ночь? — стряхиваю с волос капли воды. — Пожалуйста, не приставай к каждой юбке, чтобы отыскать мне компанию на вечер.

Зажимаю тапки под мышкой, крепче хватаю доску и ускоряю шаг.

— Глеб, я в курсе, что ты давно уже большой мальчик, но в последние недели две ты злой как собака. Вот я и решил, что нужно просто немного расслабиться...

Сплеываю в сторону и оглядываюсь:

- Наглец -

— Слушай, Швецов, я просто сосредоточен на деле, ясно? Ты ведь знаешь мои правила: никаких баб, пока обрабатываем очередного клиента.

Конечно, Макс не верит. Он хмурится:

— Помню.

— Отлично, — довольно киваю я.

До здания базы, где мы переоденемся и сможем согреться, остается метров пятьдесят.

— И тебе тоже не надо отвлекаться.

Хотя в случае со Швецовым читать нравоучения бесполезно — слова непременно улетят в пустоту.

— Недотрах сделал из тебя монстра, — слышится из-за спины.

Но я не оборачиваюсь.

Мое внимание привлекает девушка, сидящая на одной из скамеек на бетонной набережной. Странная поза, не свойственная представительнице женского пола: корпус наклонен вперед, локти уперты в колени, ноги широко расставлены, голова опущена, взгляд устремлен на кромку моря.

Незнакомка одета в длинный черный плащ, капюшон низко надвинут на лоб, будто ей хочется спрятаться в этой одежде ото всех. Но даже с такого расстояния мне в глаза бросается мертвенная бледность ее кожи — такое не свойственно местным. Она задумчиво смотрит вдаль и, кажется, не моргает.

— Слушай, Дым...

— Заткнись хоть на минуту, мне нужно подумать, — прошу друга, направляясь к базе.

Продолжаю сверлить взглядом странную девушку, но мысли уже заняты другим: прокручиваю в голове детали будущей аферы. Снова и снова. Это

помогает не только продумать все до мелочей, но и составить план Б — на всякий случай.

— О'кей, — Макс послушно затыкается.

Найти цель, втянуть ее и обработать — это только полдела. Выйти сухим из воды всегда труднее. И тут без моего мастерства и природного чутья никак не обойтись.

Когда мы переступаем порог здания базы, на нас обрушивается звуковая волна: работающий телевизор на стене долбит музыкой, посетители маленького кафе оживленно переговариваются друг с другом, болтливые туристы (хрен знает зачем ошивающиеся в приморском городке практически зимой) осаждают прилавок с сувенирами.

Мы проходим по коридору, прорываемся сквозь толпу серфингистов, собравшихся возле склада с инвентарем, и заходим в раздевалку, где оставили свою одежду.

— Почему нельзя было снять гидрик возле машины? — ворчу я.

Меня привычно раздражает многолюдность подобных мест. Освобождаюсь от костюма, как от второй кожи: быстро и ловко. Вешаю его на дверцу шкафчика и взлохмачиваю мокрые волосы, чтобы поскорее высохли.

— Помоги стащить, — просит Макс, прислонив доску к стене.

Неспособность взрослого мужика самостоятельно снять гидрокостюм раздражает еще больше. Помогаю товарищу, тихо матерясь себе под нос.

Смотрю на часы: нужно поторопиться.

— Ворочай булками, Швед, — говорю, кидая в спортивную сумку сырые перчатки, тапки, шлем.

- Наглец -

Затем вытираюсь, надеваю брюки, носки, тонкий свитер, пальто и кожаные туфли. Швецов в это время, не торопясь, проверяет сообщения в телефоне.

— Ты долго? — Терпение у меня заканчивается.

— Не стони, Дым, — усмехается Макс, пряча телефон и обтирая шею полотенцем.

— Шевелись!

Выношу одну за другой доски, оформляю их хранение на местном складе, подписываю нужные бумажки, расплачиваюсь наличными. Когда возвращаюсь в раздевалку, Макс все еще одевается и что-то тихо напевает.

— Хуже бабы! — замечаю, подхватывая обе сумки.

— Да иду я, — смеется Швед, набрасывая куртку.

Мы выходим в общий зал с деревянной отделкой и десятком маленьких столиков. Жизнь здесь по-прежнему кипит.

— Подожди, я возьму кофе, — говорит Макс, подмигивая очередной курице, сидящей с журналом возле окна.

— По дороге возьмем, — заявляю безапелляционно и направляюсь к выходу. — Я...

Но ничего не успеваю добавить, потому что в тамбуре на полной скорости налетаю на ту самую девушку, которую видел на набережной.

— Ой, — срывается с ее губ, когда она отлетает от моей груди, точно от массивного отбойника.

Она едва удерживается на ногах — только потому, что я успеваю среагировать и подхватываю ее под локоть.

Достаточно высокая, но хрупкая. Худенькая. Я даже бы сказал, изможденно тощая. В момент

столкновения большой черный капюшон слетает с ее головы, обнажая лицо: идеальный овал, пронзительные серо-синие глаза и почти бесцветные пухлые губы.

Высветленные волосы длиной до плеч, взметнувшиеся от столкновения, опадают обратно, как в замедленной съемке, — на редкость аккуратными прядями, прямыми и ровными. Я делаю глубокий вдох, и мой нос улавливает нежный аромат цветов и дождя, исходящий от них.

— Простите, — хрипло говорит девушка, опираясь на мою руку в попытке восстановить равновесие.

И грубый черный ботинок неловко опускается прямо на мою идеально блестящую туфлю.

— Ой, — еще раз выдает она, убирая ногу.

Но на носке уже красуется темное пятно грязи.

— Ничего страшного, — цежу я сквозь зубы недовольно.

— А кто тут у нас? — усмехается Швецов, выглядывая из-за моего плеча.

«Только этого сейчас не хватало!»

Девушка смотрит на Макса, как затравленный зверек, пытается шагнуть в сторону, чтобы уйти, но Швед заграждает собой весь проход.

— Привет, красотка, — расплывается в улыбке он.

Она медленно поднимает на него взгляд и хмурится. Делает новую попытку уйти, но врезается коленом в сумку, которая висит у меня на руке.

— Слушай, — Макс наклоняется к ней, — мы могли бы подружиться.

Незнакомка прячет глаза:

— Вряд ли.

Швед смеется:

— Я стесняюсь, поэтому ты первая давай... со мной знакомься.

Ее брови взлетают вверх.

— Это самый тупой подкат из тех, что я слышала! — фыркает она презрительно и, передумав войти в здание, разворачивается, толкает дверь и оказывается снаружи.

— Куда ты? — Швецов бросается за ней. — Погоди!

Но она не оборачивается. Быстро шагает вдоль набережной.

— Эй, цыпа, я в жизни такой красоты не встречал! Твоя фигурка, мм... А что за ножки! А волосы! Я таких шикарных волос никогда не ви...

Выхожу следом за ними, придерживая дверь, и с любопытством наблюдаю. «Что такого интересно случилось и заставило Макса заткнуться?» И тут же чуть не теряю дар речи.

— Нравится? — девушка рывком срывает с головы парик и швыряет его в руки Швецова. — Тогда носи на здоровье!

Лысая... Совершенно лысая...

Она накидывает на голову капюшон, застегивает плащ и стремительно удаляется по направлению к городу.

Макс пару секунд ошарашенно разглядывает парик, держа его перед своим лицом двумя вытянутыми пальцами, а затем швыряет в урну:

— Во дает...

Я невольно усмехаюсь, оглядывая обескураженного напарника, а затем поворачиваюсь и смотрю вслед девушке. Долго, пристально. Впитываю глазами небрежную мальчишескую походку, гордо

расправленные плечи и вспоминаю поразивший меня взгляд — испуганный и злой.

— Чего молчишь? — спрашивает у меня Макс уже в машине.

Мы проехали несколько километров, а я даже слова еще не сказал.

— А что надо? Петь? — пренебрежительно бросаю в его сторону и гляжу на часы.

— Девчонка та понравилась тебе, да?

— Кто? — чуть не давлюсь от смеха. — Та лысая, плоскогрудая гопница? — с трудом прочищаю пересохшее горло. — По-твоему, такие в моем вкусе?

Швецов смотрит, не отрываясь, недоверчиво и с прищуром.

— Ты на нее пялился.

— Пошел ты!

— У тебя бабы давно не было?

— Что? — качаю головой, все сильнее впиваясь пальцами в руль. — Я с тобой свою личную жизнь обсуждать не намерен, ясно?

— Потому что у тебя ее нет, — отворачивается Макс с довольной ухмылкой.

Моя машина — черная «БМВ» — резко сворачивает с дороги, я останавливаюсь у кафе.

— Ты чего, Дым? — хватается за ручку Швецов.

— Ты кофе хотел? — сжав челюсти, спрашиваю его.

Выхожу, захлопываю дверцу и решительным шагом направляюсь ко входу в забегаловку. Почти дойдя до двери, засовываю руку в карман и застываю на месте.

«Не может быть».

Проверяю один карман за другим — внутренний и даже брюки.

Но кошелек нигде нет. Он исчез.

Соня

Яростно толкаю ладонью дверь и врываюсь в квартиру. Простенькая однушка встречает запахом пиццы и нестираных носков. Прохожу и, остановившись посреди комнаты, заваленной мусором, старыми газетами, объедками и одеждой, морщусь нос.

— Эй! — окликаю брата, восседающего за ноутбуком на диване в позе йога.

Облизывая пальцы, перепачканные томатным соусом, он оборачивается и не удерживается от восклицания:

— Вау!

В ту же секунду большой кусок пиццы выскальзывает из его руки и шлепается начинкой прямо на клавиатуру.

— Свят! — восклицаю я и стискиваю зубы от гнева.

На ноутбук я потратила кругленькую сумму, и то лишь потому, что планировала использовать исключительно для дела. Следовало догадаться, что ветреный подросток в мое отсутствие станет распорядиться им по своему усмотрению: наяривать в стрелялки и смотреть фильмы! А теперь еще и это — вся клавиатура перепачкана соусом и колбасным жиром.

— Блин, — хмурится Святослав, убирает пиццу, хватая салфетки из коробки и осторожно промакивает каждую кнопочку. — Увидел твою новую прическу, и руки перестали слушаться!

Снимаю капюшон и провожу ладонью по абсолютно гладкой черепушке. Закусываю губу. Парнишка забывает про салфетки и смотрит во все глаза, тихо присвистнув.

— Дядя Толик, дядя Толик, постриги меня под нолик! — наконец говорит он и громко хохочет.

Мне не до смеха. Молча скидываю плащ, вешаю на спинку стула и иду к балкону.

— Сонь, что-то случилось? — В голосе брата звучит беспокойство.

— Нет, — беру сигареты и зажигалку.

— Зачем ты это сделала? — доносится в спину.

«Думала, что почувствую облегчение».

Но вместо ответа я просто выхожу на свежий воздух.

Закрываю балконную дверь, опираюсь о перила и смотрю на город, простирающийся вдоль линии моря. А в голову почему-то настойчиво лезет образ мужчины, которого встретила час назад на пристани.

Загорелая кожа, светлые волосы, серо-зеленые выразительные глаза, прямой, ровный нос, в меру пухлые губы, твердый подбородок. Усмехаюсь, закуривая сигарету, и выпускаю струйку серого дыма, которую тут же подхватывает холодный ветер.

Блондинчик...

Самодовольный, наглый тип. Один из тех, что балдеют от звука собственного голоса. Холеный, породистый, блестит, как новый пятак, да и стоит столько же. Наверняка воображает себя киноактером, за которым бегают две колонны истеричек с криками: «А-а-а, это сам Хрен-пойми-как-его-там! Сейчас я кончу!»

Господи... да я ведь ненавижу мужчин...

Или думаю, что ненавижу? Но точно не доверяю им с некоторых пор. Никому, кроме собственного брата, которому даже нет семнадцати. Иногда все-

- Наглец -

рьез размышляю о том, чтобы стать феминисткой, но откладываю важное решение до тех пор, пока не выясню, что за зверь такой этот феминизм. Поэтому понадобится как минимум погуглить странное слово.

Но мне лень. Вернее, некогда — все свободное время уходит на придумывание планов, как заработать побольше денег, чтобы можно было где-нибудь осесть на постоянной основе, купить жилье и оплатить обучение брата в университете. К тому же надо еще свои цели постепенно осуществлять. А пока меня вполне устраивает термин «мужененавистница» — здесь хотя бы со значением все более-менее понятно.

И наплевать, что для многих это синоним неудачницы. Просто я обещала себе, что впредь не позволю мужчинам причинить мне боль. Никогда ни к одному из них ничего не почувствую. Никого не полюблю. Стану стервой. Обещала.

Обещала...

Впервые я увидела его, когда сбежала из детдома. Туда меня с братом отправили после автокатастрофы, унесшей жизни наших родителей.

Я не могла дождаться восемнадцатилетия, чтобы убедиться в том, что мой дядя, конченный алкаш, продал нашу квартиру через ушлых риелторов. Зашла в дом и увидела все собственными глазами: новая дверь, новые замки, новые жильцы. И ни следа от родственничка — тот, по слухам, стараниями своих же «благодетелей» догнивал где-то в лачуге в глухой деревеньке.

Тощая девчонка, жиденькие волосы, старый свитерок — еще из прошлой, счастливой жиз-